

А на урок нет ни времени, ни сил...

Галина ФРОЛОВА, заслуженный работник культуры РФ

Свободное время учителя... Сегодня, как и всегда, посягают на него бюрократы. И не только на свободное время, но уже — и на учебное, на урок.

Почему образовательное сообщество мирится с этим?

«Заполнить миллион граф, собрать пуд протоколов, пересчитать двойки и тройки, пересчитать необучаемых детей, составить график очистки собачьей площадки» — примерно такой план на день довелось мне увидеть в ежедневнике директора лицея, куда меня привели самые благие намерения — рассказать о творчестве учительницы биологии, чьи выпускники успешно поступают в медицинскую академию и на естественнонаучные факультеты самых престижных вузов.

Перед тем как отправиться в лицей, перелистала его концепцию, разработанную несколько лет назад педагогическим коллективом вместе с учёными педуниверситета и Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. Отмечена она дипломом «Сибирской ярмарки». Вот что, в частности, прочла в концепции: «Школа трансформируется, опираясь на инновационную модель, сообразно требованиям современной социальной ситуации. Освоение учебного материала ведётся на фоне развития интересов детей в сфере познания, труда и общения. Функционирование школы в рамках новой парадигмы взаимодействия всех сфер определяет её новый статус».

О школе заговорили в городе, в неё стремились состоятельные семьи, чтобы дать детям хорошее образование. Внешне школа похорошела и повеселела: зимний сад с птицами и фонтанами, мягкая мебель, журнальные столики в рекреациях, телевизор в холле. Но через три года учителя из этого райского места ... стали исчезать в середине учебного года. Первыми ушли учителя английского и французского (перешли в коммерческую школу иностранных языков, которая здесь же арендует помещения). Затем на тренерскую работу ушли преподаватели физкультуры. Вскоре учитель информатики перешёл в коммерческий банк. В торговую фирму «Компьютеры НЭТА» ушёл учитель физики.

А биолог, чьи дети побеждали на олимпиадах и чьи исследования использовали в своих докладах медики? Нет биолога!

— Что случилось? — спрашиваю грустного директора. — Зарплата низкая?

— Зарплату в городе, вы знаете, за январь получали только в марте, — напоминает директор. — И так — постоянно. Очень трудно, но в школе держались как-то: хороший коллектив, друг другу помогали, работать было интересно — новую модель школы стали создавать. Люди поддерживали друг друга и всё надеялись: вот-вот приплывём к новым берегам, зарплату повысят, начнёт поступать программное обеспечение, увеличится пространство школы для воспитательной работы за счёт предсказанных демографических перемен... Всё произошло иначе: за счёт домов-новостроек контингент учащихся растёт и растёт, среди учебного года люди месяцами бегают за справками, оформляют разные документы, а дети пропускают занятия. Мы теперь и в две смены с трудом организуем все необходимые уроки. Потому что вести их негде и... некому. Учителей, кроме безденежья, замучили мероприятия и всяческие отчёты. Мы на гостей работаем столько же времени, сколько на школьников, на своё основное дело.

Трудно во всё это поверить, если б в течение недели не пришлось наблюдать, как уроки отменяются то и дело «по чрезвычайно важным причинам» — ради различных мероприятий. Сначала по всем дисциплинам одновременно проходила общешкольная научно-практическая конференция: одни не учились, потому что в ней участвовали, другие — потому что были заняты и кабинеты, и учителя. Следом здесь же проходила районная конференция. Затем — городское совещание и два воспитательных мероприятия чуть ли не вселенского масштаба.

Поскольку школа работает в две смены и места для гостей мало, для мероприятий освобождали кабинеты (от уроков). То столовую закрывали, то спортзал. Библиотека в течение недели была закрыта то на проверку, то на семинар, то на профилактику. Когда начиналось общегородское показательное мероприятие, детей отправляли частично по домам — некому было с ними заниматься, учителя «обслуживали» высоких гостей.

В школе, расположенной через дорогу, не имеющей роскошных помещений и не страдающей от нашествия гостей, происходили свои чудеса: с урока ИЗО всех третьеклассников «снимали» для знакомства с правилами движения. Для этого приехал самодеятельный театр — с ребёнка ввели за просмотр дидактических сценок всего 10 рублей. С шестыми классами поступили гуманнее: их освободили от уроков бесплатно — предложили посмотреть шоу воздушно-десантных войск, которое организовали шефы из воинской части. Вместо изучения генетики и валентности шестиклассники два часа слушали военно-патриотическую беседу, а затем изумлённо таращились на чудеса — на сцене солдаты разбивали бутылки о головы друг друга и рушили ударом ладони кирпичные стены.

Восторг и энтузиазм охватил более сотни мальчишек: тренироваться начали на домашних животных и школьном имуществе. Самому крупному шестикласснику, которого по причине диабета освободили от физкультуры, удалось одним ударом проломить в туалете толстую пластиковую перегородку. Друзья его поздравляли: такого чемпиона, несомненно, возьмут в воздушно-десантные войска. Но с уроков его выгнали: «Пока не возместишь ущерб, в школу не приходи!» Он и не приходил: «Однако больно нужно...» К тому же его растит одна мама, в прошлом — инженер, потерявшая работу, а теперь лифтерша. Денег раздобыть негде, о своём «рекорде» чемпион молчал...

В соседней школе на уроках почти не появляется учитель биологии: поставит фильм, даст работу над учебником или анкету и уходит заниматься «своим делом». Дети не удивляются: классная руководительница торгует пищевыми добавками, для чего у неё выгорожен шкафом уголок с рекламой и товарами. Покупатели — родители и даже люди с улицы: добавки популярны, обеспечивают похудение и снижение холестерина. А ученики мечтают, чтоб добавки обеспечивали знания: проглотил парочку таблеток — и на любой тест смотришь свысока. Про добавки они знают всё, про законы природы и экономики — ничего.

Как же случилось, что урок перестал быть неприкосновенным? Быть может, от общей тенденции последних лет — пламенно критиковать урочную систему как порочную и безнадежно устаревшую? Или от разрастающейся тенденции решать все проблемы за счёт урока? Особенно если урок ведёт мужчина: тогда с ним и мебель грузить можно вместо урока математики, и парты собирать на уроке биологии, и за учебниками посылать с урока физики.

Даже любое районное мероприятие теперь — а какое рвение в предвыборной кампании! — можно проводить за счёт уроков. Ведь у семьи, у детей и родителей время стало очень дорогим: все, кто может заплатить, занимаются у репетиторов — порой у того же школьного учителя. В том же кабинете (час стоит от 70 до 100 рублей) или в платной студии, в секции (за теннис надо платить 1000 рублей в месяц). Платные факультативы, платные занятия в компьютерном центре или центре искусств... Каждый час оплачен, и родители не позволяют тратить его на «школьные мероприятия».

Между тем всё больше ведомств и фирм устремляются в школу как на территорию неосвоенного рынка. Школы раннего развития и подготовительные курсы, школы иностранных языков и школы искусств забирают огромную часть учебных площадей даже там, где занятия ведутся в две смены, что опасно для здоровья детей и непродуктивно для их развития (это доказали новосибирские медики, занимающиеся проблемой «биологических часов» и десинхроноза). Воспитательную работу, дополнительные занятия по предмету проводить негде.

Чиновники устремились в школы за голосами избирателей: именно в школах с помощью учителей и родителей разыгрываются битвы за голоса избирателей. Для этого используются и школьные помещения, и время учителя. Снова урок отменяется, школа встречает гостей:

районных, городских, областных, российских, зарубежных... Замена уроков «мероприятиями» становится традиционной.

Посещая школы в начале учебного года, я видела, что вместо уроков математики и химии, а особенно — труда, рисования, музыки — проводятся «подсобные работы»: ремонт, уборка подвалов и пришкольных участков, закладка овощей для столовой. Зимой вместо уроков труда и физкультуры средние классы чистят снег. С конца апреля — вместо уроков убирают прилегающую к школе территорию. То же наблюдала не раз и в лицее, над концепцией которого трудились кафедры педагогического университета, чтобы записать: «Такая школа становится лабораторией инноваций, аккумулирующей и апробирующей новые педагогические технологии и создающей свой опыт работы, не имеющий аналогов в массовой школе. Вся деятельность отражает ценностно-смысловые установки «ведущего слоя» подрастающего поколения и его специфические особенности. Школа демонстрирует воспитанникам новый тип отношений в социуме и вовлекает их в практику этих отношений, предоставляя возможность стать носителями ценностно-смысловых установок в своей возрастной группе. Таким образом, школа становится образцом отношений и деятельности».

Золотые слова: школа становится образцом. Это прекрасно! Но образцом чего? Псевдодеятельности чиновников? Бумаготворчества вместо жизни? Мероприятий вместо ярких событий и насыщенной исследовательской деятельностью уроков?

Нет, я ни в коем случае не против общественно-полезного продуктивного, производительного труда в школе. Я тоже за то, чтобы деревянной резьбой или батиками ребята украшали школу, чистили снег в свободное от уроков время, ремонтировали кабинет, ухаживали за газонами и цветниками — ох как не хватает этого городским школьникам: работы на воздухе, в коллективе, в движении; не хватает общественной работы на общее благо и ощущения своей коллективной социальной ценности. Это так необходимо и для становления характера, и для становления гражданина: труд, как известно, — лучший воспитатель.

Но почему для воспитания обязательно надо отменять уроки математики, литературы, истории? Что это за альтернатива: либо урок труда в мастерских, либо общественно полезный труд? Семиклассники, которые весь год чистили снег и школьные подвалы от строительного мусора, так и не научились держать в руках инструменты, которыми мальчик может овладеть успешно под руководством отца или деда уже в 5–7 лет. Не возникла ли эта тенденция «нецелевого использования» уроков от перегруженности школьных площадей, от законов дикого рынка и теневой экономики в образовании, от небрежения к уроку, а главное — к учителю?

Едва объявили о создании программы патриотического воспитания, как наиболее ретивые любители рапортовать раньше других кинулись составлять глобальные планы мероприятий... И — опять за счёт уроков! То и дело проводят встречи, конкурсы, поездки. То и дело слышится команда: «Снять с уроков!» Как, в школе нет музея боевой славы? Закрыть кабинет хореографии и ЛФК! Сделать музей и чтоб всё начальство висело здесь в качестве экспонатов!

Обидно за человеческое достоинство учителей: ими просто помыкают, даже не спросив об их возможностях, интересах, планах...

Когда директор одного из лицеев сообщил в районную администрацию, что после уроков старшеклассники не могут прийти для исполнения патриотических песен в Дом культуры, поскольку заняты подготовкой к экзаменам на платных курсах, последовала команда: отмените занятия второй смены, но чтоб весь зал был заполнен. Причём указание последовало внепланово, без предупреждения: раз нужна «массовка» для показательного районного мероприятия, какие могут быть разговоры? Ученики, как известно, для того и существуют, чтоб старших слушать, а учитель — чтоб при них всегда находиться — всё равно ему этот час оплачен, неважно, чем будет занят.

... В одну из школ со своими планами и благими намерениями явилась команда медиков: готовы провести со старшеклассниками беседу о гигиене и контрацепции (20 рублей с человека). Кто отказывается, тот срывает план районных мероприятий по профилактике. Со-

слались на постановление территориальной администрации. Запуганный молодой директор снял три класса с уроков информатики, математики и химии, посадил школьников слушать то, что они слышат по радио, о чём читают в газетах, а могли бы узнать и от своей учительницы на уроках анатомии или биологии. Да вот уроки-то вести некогда — надо план мероприятий выполнять!

Мучимые творческими потугами чиновники, которые катастрофически множатся от одних выборов к другим, начали с февраля рассылать по школам «план весенней уборки прилегающих территорий» и требовать отчётности: сколько человек на каких участках будет задействовано — просто какая-то фронтовая операция...

— Вот смотрите, — говорит директор крупной школы, — мало того что мы выращиваем школьный парк и огромные цветники на пришкольном участке, мы ещё должны убирать отдалённый от школы пустырь возле оврага. Там по соседству автозаправка и автостоянка, масса всяких магазинчиков, жилой дом — его жильцы выбрасывают на эту площадку мусор и выгуливают там собак. А убирать должны дети, потому что «рядовых жителей» коммунальные службы организовать не могут и сами не работают, а руками школьников и дисциплинированных учителей очень удобно всё это делать: и забота о воспитании подрастающего поколения, и общественнополезный труд. Мы будем сотни учеников снимать с уроков — они живут в разных концах района и, конечно, после уроков не приедут специально убирать чужую собачью площадку.

Ситуация стала столь распространённой и даже традиционной, что родительский комитет 130-й школы, например, настоял на том, чтобы Совет школы в Уставе внёс специальный пункт в раздел о правах учеников: «Ученики не могут без их согласия и согласия родителей привлекаться к труду, не предусмотренному образовательной программой, в которую включён общественнополезный труд по самообслуживанию учащихся в школе».

Казалось бы, учебное время охраняет Закон РФ «Об образовании». Но ему, могущественному всероссийскому Закону, может противостоять малюсенький чиновник районного масштаба, который в своём рвении и пароксизмах карьеризма вырастает до размеров опасности. Он может придумать любые «подзаконные акты», любые проекты с использованием школьников под благовидным предлогом... воспитания. Сегодня каждое ведомство выступает по отношению к школе в роли рекетира — «обещаю тебя охранять и защищать, если ты выполнишь мои требования». Вот пример: за подписью «противопожарного начальника», без которой школа не может начать учебный год, получить аккредитацию, лицензию и т.д. и т.п., приходится не только побегать, но и... основательно потратиться на это же ведомство, «держателя» подписи. Директор школы должен купить дорогущую новомодную противопожарную сигнализацию за десятки тысяч рублей, которых нет в школьной кассе. Кроме установки, надо купить также новомодную, состряпанную с применением дорогих синтетических материалов рекламу и всякие «указательные знаки». Словно для борьбы с пожаром ну очень важен шрифт и дизайн. Меняйте всё оформление! — требует противопожарная служба, предлагая у неё же или у дочерней фирмы новое «оформление» и закупить. Чем не незаконный, унижающий школу рекет?

А тут уж родное ведомство все справки и отчёты требует. Вот и начинает директор школы разрываться между справками, подарками, уговорами, а то и прямыми взятками... Недавно встречаю безмерно счастливую директрису известной школы: «Наш выпускник, — говорит, — устроился работать в инспекцию, которая нас замордовала — по два месяца справку не могли получить, теперь будем получать её вне очереди!» Другая директриса была так же счастлива, от того, что представителям налоговой инспекции очень понравилась сауна школы и бассейн с массажисткой — теперь все проблемы можно решать наконец-то «цивилизованно».

И после всего этого мы рассуждаем о нравственном воспитании в школе — вести его на уроках или вне уроков?! Но оно, увы, ведётся чаще всего вместо уроков и превращается в антивоспитание: ребята ведь обо всём этом прекрасно осведомлены.

Не успев выправить один крен, мы, кажется, начинаем опрокидываться в другую сторо-

ну. На городских педагогических чтениях мне довелось слушать доклад крупного руководителя органа управления образованием, который сказал:

— Преступность и наркомания растут. Стало страшно выходить из дома. Мы должны пересмотреть парадигму образования. В школе основой основ должно стать воспитание. Давайте чётко определимся, кто наш выпускник: бездушный интеллеktуал или хороший, добрый, воспитанный человек?

Вот так, не больше, не меньше: либо умный подонок, либо безмозглый добряк. Почему интеллеktуалы не могут быть воспитанными, а воспитанные, порядочные люди быть умными?! Возможно, человек в пылу ораторской полемики увлёкся и оговорился. Но слово-то — не воробей: вылетит и будет растиражировано. Особенно слово начальника. Теперь уж любой урок на законном основании можно будет заменить «воспитательным мероприятием» — т.е. традиционными нотациями, разборками, укорами, унижением ребят «во благо» — и так далее, по полному ассортименту.

На многих августовских конференциях, где мне пришлось побывать, выступающие начальники различных рангов чуть ли не срывают голосовые связки, громко (очень громко!) заявляя о том, как свободен, творчески раскован сегодня учитель, как наконец-то стал он хозяином своего времени, планов, своего дела. Так и хочется сказать: **«Умерьте пыл, господа, сбавьте тон и зайдите в соседнюю школу и не парадно, а по-деловому, по-дружески поговорите с учителем о том, каково ему живётся, каков истинный масштаб его творческой свободы?»**

А вот каков. Знакомый директор рассказывает:

— С нас, как и прежде, требуют тьму отчётов о разных мероприятиях: и какое влияние оказали они на подростков, сколько бесед провели учителя о наркомании, в каких конкурсах ребята участвовали, сколько пьющих семей и сколько неимущих, сколько семей беженцев (откуда, социальный и национальный состав родителей, их занятость и т.д.). Лавина бумаг растёт и растёт, никакой поддержки, никакой помощи за этими отчётами не следует, думаю, что их даже не читают. Но если ты что-то вовремя не представил, если сообщил сведения коротко, — весь коллектив может остаться... без зарплаты.

Моральными мерами воздействия на «нерадивых» директоров нынешние наши управленцы-демократы не пользуются — смело «бьют по карману» в полном соответствии с рыночными отношениями. Слово директора школ — наше национальное достояние — нашкодлившие школяры или убогие приказчики частных посудных лавок, для которых единственно эффективное наказание — рублём.

— Да нет, это не так! — искренне и убеждённо сказал мне руководитель образования, сам проработавший немало директором. — Отчёты представляются всего раз в год, всё строго регламентировано, в них — ничего лишнего, только те параметры, которые нужны самой школе для самоанализа, мониторинга и эффективного управления.

— Его бы золотыми устами да мёд бы пить, — прокомментировала этот наш диалог заместитель директора крупной школы, которая только что отнесла в отдел образования портфель бумаг. — Вот сравните, что представляли в обязательном годовом отчёте в 1972 году, когда формализм пышно цвёл в образовании, и что сейчас, при так называемой «самостоятельности» школы и «демократизации» образования. В 1972 году отчёт занимал всего две машинописные страницы. В 2001–2002-х — надо покупать чемодан, в мультифору объём отчёта за год не входит. 10 листов — региональной отчётности и 10 листов — федеральной. Это помимо отчётов по успеваемости и посещаемости. По каждому ученику. В этом — полное недоверие руководителям самостоятельности школы. А сколько подписей надо собрать к началу сентября по всем этим отчётам, чтобы открыли тарификацию! И посмотрите, **сколь «актуальны» эти отчёты: ежегодно надо указывать в определённой графе площадь школьного помещения.** Да у нас оно сорок лет одно и то же и мы сорок лет выписываем эти цифры: отдельно — убираемая площадь, отдельно — аренда, хотя мы ничего в аренду не сдаём. И так далее. Часть показателей вообще утратила смысл: в 70-е годы собирали сведения по всем годам рождения учеников по половому признаку — сколько мальчиков, сколько

девочек. Надо это было, вероятно, для того, чтобы при плановом ведении народного хозяйства планомерно загружать швейную промышленность заказами: сколько и каких размеров необходимо шить школьной формы. Но теперь-то, когда школа сама может решать, какую ей выбирать (или вообще не выбирать!) форму, — зачем расписывать эти громоздкие отчёты?! Если это делается в каких-то медицинских целях или антропометрических, так пусть медики или антропологи этим занимаются. Дайте учителю заняться уроком, позвольте ему не в спешке, а основательно к нему подготовиться, — это же необходимое условие для работы! Так нет. Лавина бумаг нарастает, а внимание к учителю и уроку пропорционально уменьшается. Сколько лет составляем такие подробнейшие отчёты по каждому метру школы. Неужели из них не видно, что классы переполнены, что нет перерыва между сменами и продлённые группы ликвидированы. И в таких условиях нам предлагают мучить детей в душном помещении с плохим освещением вместо десяти целых двенадцать лет?! Значит, отчёты наши никто не читает, никто не анализирует и ничего о нас «отчётотребователи» не знают. Так зачем мы пишем эти монбланы бумаги?

В один из вечеров мне пришлось выслушивать в учительской семье горькие сетования по поводу того, что «ночь на дворе, а мамы всё нет». Оказывается, **районная администрация поручила учителям сделать «подворный обход» в самом худшем варианте: переписать всех детей школьного возраста на территории района с проверкой права проживания.** Да разве это функция школы?! А что делают ЖЭКИ, ДЭЗы и вся рать коммунальных и социальных служб? И это во многих районах Новосибирска. Вот «картинка» с натуры. Измученная работой в две смены, забросив ребёнка из детсада домой, молодая учительница лезит меж тёмными домами частного сектора по высоким сугробам с молитвой «Пронеси, Господи, сохрани, Господи...» Место чужое, незнакомое, вокруг пьяные прохожие и странные хозяева странных домов. Ей страшно и холодно, и просто опасно, но ей «велено идти». И она идёт — такова традиция добросовестности учительства. Хотя зарплату ей всё равно задержат, да и выплатят минимум, которого едва хватит на квартиру и еду.

Газета «Советская Сибирь» в статье «Заплатить — не значит расплачиваться» рассказывает, чем вынуждены зарабатывать учителя 27-й новосибирской школы: раньше мыли школу, теперь все эти ставки заняты, теперь ведут занятия со студентами-заочниками, пишут им контрольные и курсовые работы, шесть человек занимаются сетевым маркетингом, двое по выходным торгуют на ярмарке «на хозяина». Корреспондент Елена Климова скрупулёзно подсчитывает: «Один учитель пишет сценарии. Один продаёт собственные домашние консервы, другой — свои поделки из дерева и лозы. Вяжет на заказ одна, трое шьют. Двое ремонтируют дачи. Есть среди учителей даже свой мастер-парикмахер. Пять человек работают совместителями в соседних школах. Девять продают то, что вырастили летом». И так — о каждом. А меж этими делами надо писать планы уроков, а если ты молодой учитель — то и конспекты уроков. Никуда это не ушло. И неважно, что ещё в конце 70-х годов «учительская газета» писала о том, что «план — личное дело учителя». И министерство с этим согласилось. Учителя так смирились, с необоснованными требованиями, что даже защищают систему: это и для проверяющих необходимо, и для аттестации, и для методобъединения... И сидят ночами, выписывают бумагу за бумагой: «А что ж, моя мама тоже была учительница и так же писала конспекты» — говорят усталым голосом. А моя мама 17 раз писала конспект «Краткого курса истории ВКП(б)». Неужели всё вернулось на круги своя?..

Результаты такой «творческой свободы» учителя вижу по своему соседу семикласснику Дениске: уже два года его учительница математики не проверяет домашних заданий. В тетрадках никаких учительских помет: диалога с учеником нет — на него не отпущено места и времени. Учительница, кроме двух ставок и пяти ежедневных часов репетиторства, занята ещё какой-то подработкой. Классных часов не проводит. С детьми ей поговорить некогда, да и сил, вероятно, нет — ни душевных, ни физических. Ничто её не интересует. Когда родители спросили: что лучше ей подарить к 8 марта, кто её любимый режиссёр, художник, писатель, эта выпускница высшего учебного заведения очень удивилась: «Я же не литератор! — говорит. — Художников не знаю, видика у меня нет, читать некогда». Правда, писать отчё-

ты, видимо, в этой школе научились: у начальства школа на хорошем счету. Теперь, увы, как и раньше, всё больше оглядываются именно на мнение начальника...

— Мы часто говорим с директорами откровенно, — рассказывает директор 130-й школы Академгородка Татьяна Вячеславовна Дельфонцева, к которой слушатели факультета повышения квалификации Новосибирского государственного педуниверситета приезжают на семинары. — Все жалуются на то, что отчётность задавила. Признают, что рефлексии собственной деятельности мешает дуализм, — мы попадаем во всё большую зависимость от властей, всё меньше ориентируемся на закон и общественный заказ, на демократические отношения руководителей образования и школы. **В школе, как в худшие времена, резко возросла роль жёсткого контроля, различных мониторингов, после которых отнюдь не следует профессиональная помощь, поддержка педагога, как должно бы быть.** Диагностика и мониторинг, как и отчётность, становятся самоцелью. Документы, отчёты, справки, информация и снова документы, отчёты, — это чуть ли не самая существенная часть «лично-ориентированной» школьной жизни. Вся эта пустая бумажная круговерть отнимает у педагогов драгоценное время, которое должно быть отдано школе, детям, семье, своему профессиональному росту. Сегодня всё меньше в школе праздничности и неуёмного детского творчества, всё больше официоза, нормативов, а то и прямых запретов. Боюсь, побеждает педагогика жёстких нормативов. Власти всё меньше интересуются мнением детей и родителей, когда принимают решения об очередной реформе школы, когда вводят все эти ЕГЭ, центры тестирования вместо экзамена, меняют сроки обучения, а всё больше ориентируются на систему бюрократической отчётности и контроля. О такой тенденции с горечью говорят молодые директора, которые остро чувствуют расхождение между словом и делом, между теорией и практикой управления школой, качеством образования... Низкая заработная плата, постоянно растущий прожиточный минимум заставляет каждого учителя искать «подработку на стороне», не позволяет использовать ресурсы учителей в полном объёме в их главном деле. **Всех очень тревожат нестабильность федеральной политики в области образования, противоречия в законодательной базе.** Явная тенденция ограничения свободы школы может привести к мелочной, унижительной опеке, к разрушению творческих коллективов (пример лицея, с рассказа о котором я начала статью). Только возможность счастливого общения с детьми и возможность заниматься любимым делом удерживают пока в школе талантливых педагогов. **Тем, кто считает, что «лишней отчётности не бывает», пора задуматься над своим стилем управления и его последствиями для образования, над своими методами «управления качеством образования». Стоит ли разрабатывать новые технологии, искать новые формы урока, подачи материала, если на сам урок нет ни времени, ни сил?**

Эти мысли громко звучали на «круглом столе» педагогов Сибири, представивших свои авторские технологии на выставке «Сибирская ярмарка».

— Если б за цифрами отчётности в школу следовали средства — финансы, программное и дидактическое обеспечение урока, приборы, информационные технологии, — тогда бы вся эта цифирь о количестве мальчиков и девочек, свободных и сданных в аренду помещениях, возможно, обрела бы смысл. Цифры и в журнале, и в отчётах можно написать какие угодно, да вот жизнь школы, учителя от этого не меняются. «Что делать? Из школы уходить?» — спросил меня молодой учитель физики из Тюменской области. В ответ я безнадежно пожалала плечами. И вспомнила биографию других физиков — знаменитой Марии Кюри-Склодовской и её мужа Пьера Кюри. «Чем отдавать детей в современную школу, лучше их утопить», — в отчаянье сказала Мария, когда дочери подросли, и предложила мужу создать вместе с друзьями-академиками собственную гимназию. «Академическое» учебное заведение, созданное двумя всемирно известными учёными, не просуществовало и полгода. «Чем работать в школе, лучше утопиться», — в отчаянье от детских шалостей и детской непонятливости воскликнула великая женщина-физик. А ведь ей не надо было заключать договор с самой собой, выставлять оценки в журналы и дневники, вести учёт и отчётность, писать справки и сообщения родителям, считать количество двоек, простуд, драк, вымытых полов и окон, проведённых бесед, посаженных цветов, делать «подворные записи».

Вам скучно всё это читать?

А жить и работать в такой атмосфере — не скучно, не бессмысленно?! Так почему же ни разу, ни в одном районе, ни на какой августовской конференции, ни на одной секции (управленцев, директоров, завучей, учителей-предметников) не слышала я обсуждения этой жгучей проблемы, громкого протеста против унижения профессии, не видела ни одной резолюции, направленной в районный отдел образования, в областной департамент, в Министерство образования РФ?

Доколе будет продолжаться наше негодующее антибюрократическое безмолвие?

г. Новосибирск